

ХУДОЖНИК
ДИАЛОГ

«Чем дальше, тем больше я одинока»

ПАСЬЯНСЫ НАТАЛИИ НЕСТЕРОВОЙ

Наталья Нестерова.
«Праздник». 1988

Художник Наталья Нестерова — одна из немногих. **«Быть из немногих» — это у нее наследственное: ее прабабушка, оставшись вдовой в девятнадцать лет, стала земским врачом.** Сама Нестерова тоже лечит — состраданием и болью своих картин. Она зачислена в «классики» и «лучшие». При этом самоуверенности и пафоса лишена напрочь. Периодически живет в Америке. **Часто раскладывает пасьянсы — колода карт у нее потертая и даже, кажется, закапана воском.** Нестерова говорит негромко, глядя в себя. Ее голос на диктофонной пленке перекрывают раскаты требовательного «буурль»: в окно ее мастерской привычно заглядывает целая банда голубей и громогласно попрошайничает.

Дарья АКИМОВА

— Вы везучий человек?
— Никогда не задумывалась. Бог его знает. Везение — оно не от самого человека зависит. Я, наверное, немножко ведьма. Точно знаю, что если чего-то очень хочется, то оно не получается.
— Вам ваши работы нравятся?
— Никогда не считала, что пишу такие уж замечательные картины. Я к ним отношусь... просто. Копить их не стараюсь. Не стараюсь создать определенный город или определенную страну. Просто, когда пишу — думаю, например, о Париже, а потом мне говорят: «Ой, это Франция!»
Мне кажется, что картина должна создаваться на одном вздохе, чем быстрее — тем лучше. Она получается адекватнее. Я все время бегу за ниточкой — за идеей. Никогда не перерисовываю работы: не удалось — значит, надо делать следующую. Мне от бабушки досталось: «Если ты не идешь вперед, ты идешь назад». Пытаюсь все время себя делать. Где-то держать себя в руках, где-то пробиваться через стены.

— Стены — это окружающая среда?
— Нет-нет-нет! Это то, что внутри.
— Как относитесь к тому, что вас называют классиком?
— С юмором. Раньше я у критиков проходила как примитивист. Ну какая разница, как тебя называют? Просто есть стиль — и все. Вот однажды человек посмотрел на мои работы — и захохотал, причем так радостно! Что он нашел в них веселого, даже не знаю.
— Вы чувствуете, что популярны?
— Нет, абсолютно! Интересуются мной — ну что ж, хорошо. Не интересуются — ну и слава богу. Когда мне начинают говорить комплименты, я стараюсь увернуться. Мне отрицательные впечатления нужны.
— Вы нетусовочный человек?
— Это опять-таки — сейчас. Мне интересно современное искусство, я хожу на выставки. Но, если честно, очень боюсь толпы и вечно стою где-нибудь на одном месте в уголке как припильенная. И потом, это достаточно много видела и, наверное, не обязательно нестись на каждый вернисаж.

— Вы рано поняли, кем будете?
— С младенчества. У меня был дедушка художник, Николай Иванович Нестеров. Сначала смотрела на его работы, потом сама начала что-то писать. В художественную школу попала достаточно случайно. Возле уголка Дурова был какой-то кружок, в который я ходила, и мне там посоветовали идти в художественную школу — МСХШ.
— Вы по жизни ученик или учитель?

юрты, большие куски хлеба, ковры... Может быть, это была Тува, может быть — Узбекистан, не помню. Но уже лет десять уезжаю из дома только ненадолго, чтобы не оставлять маму одну.
— Мама вас сильно опекала?
— Мама не столько опекала, сколько держала и держит.
— С мамой вы по-прежнему дочка?
— Да. Хотя маме уже восемьдесят шесть, и теперь уже иногда я становлюсь ее «матерью».
— Вы ездили очень много. Ощущение новизны не пропадает?
— Мне не очень повезло, потому что я первый раз поехала за рубеж в сорок лет. Это поздно. Очень здорово, что ребята вроде моих студентов могут поехать туда, куда захотят. Америка для меня — это Нью-Йорк. Про него говорят, что это Вавилон, квинтэссенция толпы, город желтого дьявола с давящей архитектурой... Не знаю, мне она наоборот кажется невероятно защищающей. Когда приезжаю в Москву, все время думаю: Господи, какое все здесь маленькое!
— К ностальгии вы не склонны?
— У этого слова ведь очень узкое значение — тоска по Родине, которую покинул навсегда и на которую нельзя вернуться. А поскольку всегда знаю, что могу вернуться, и возвращаюсь, то очень привязана к Америке. Я живу в очень хорошем месте в Нью-Йорке, возле Центрального парка, и я там всегда счастлива. Каждый раз, попадая туда, говорю себе: вот, я еще раз сюда добралась.
— А там вы про Москву то же самое не рассказываете?

Ну, я стояла и махала кулаками и палками. Раньше просто залезла бы на этот тополь, сняла бы кошку. Теперь знаю, что при всем желании не залезу, и все тут.
— Но что-то в Москве любите?
— Мастерскую и друзей. Родилась я на Самотеке, в очень декоративных мешанских переулочках, которых уже нет. Как-то раз шла по городу и вдруг поняла, что тот пустырь, который я только что пересекла, — это и есть место, на котором стоял наш дом.
— Вы свою уникальность чувствуете?
— Просто чем дальше, тем больше я одинока. Но, наверное, я сама себя изолирую. Когда-то меня совершенно потряс фильм Дэнниса Хоппера Easy Rider — «Беспечный ездок». Это о безработных людях, которые живут под дулом винтовки обывателя. Недавно посмотрела его снова и поняла, что помню что-то совсем иное и даже не о том. Наверное, я и сейчас чувствую себя немножко под дулом. Страшно, конечно. Потеря близких, потеря друзей — это угроза. Я имею в виду физическую потерю, потому что из ныне живущих друзей я потеряла, может быть, двух-трех человек. Я люблю людей долго и постоянно. Я принимаю их недостатки.
— Вы не терпите бездарности?
— Отношусь с состраданием.
— В чем талантлив ваш сын?
— Он умница. Он знает языки и музыку, вообще знает гораздо больше, чем я.
— Ум важен прежде всего для мужчин?
— Наверное, для женщин тоже.
— Отношения мужчины и женщины строятся на соперничестве?
— На дружбе и даже равенстве, я думаю.
— А как же тогда риск и соперничество?
— Ну, это только до какого-то времени. А потом хочется иного.
— К мистике вы склонны?
— Я как-то с ней справляюсь. Мне кажется, ее гораздо больше в реальной жизни, а не в моих картинах. Когда-то я написала картинку: на ней был карлик. И мой хороший знакомый начал брюзжать: вот, вечно ты что-то странное придумашь! Мы вышли из мастерской, был вечер, снег падал, темнело. И навстречу нам шел карлик. Это очень странно: знать, что твой рисунок может стать реальностью.
— Чего вы хотите больше всего?
— (После паузы) Хочу, чтобы мои друзья как можно дольше работали. Чтобы жили подольше. Последнее время у меня появилась очень четкая мысль: каждый день может быть последним. Загадывать вперед и строить планы не хочу. Вообще не стоит надеяться на кого-то или на что-то, думать: вот сейчас придут, помогут. Не нужно этого у жизни просить.

Досье «ВМ»

Наталья Игоревна Нестерова родилась в Москве. Окончила МГХИ имени Сурикова в 68-м. Уже почти десять лет — профессор кафедры сценографии Российской академии театрального искусства (бывший ГИТИС). Ее работы находятся в Третьяковке, Русском музее, художественных музеях крупных городов России и за рубежом. В Чикаго и Нью-Йорке у нее прошло больше десяти крупных выставок. Искусствоведы (как наши, так и иностранные) называют ее одним из самых сильных русских художников второй половины XX века.

— Ни то, ни другое. Я как-то робко отношусь к преподаванию, несмотря на то, что работаю в РАТИ. Мне все время кажется, что я что-то неправильно студентам скажу.
Конечно, их основная профессия — сценография, но иногда кто-то из них звонит мне и говорит: знаете, а я всерьез писать начал.
— В советское время вам было не голодно?
— Нет. Я работала. Объездила почти все республики, Среднюю Азию, Север, Сахалин. «Сбор яблок», «Сбор хлопка» — ну знаете, все традиционные темы. Недавно вот купила бутылку кумыса — и сразу вспомнила: этот запах,

Нет. Тут все очень пугает. На самом деле. Я все время боюсь повернуться — и что-нибудь увидеть ужасное. И всегда здесь чувствую невозможность помочь. Вы можете дать милостыню, но вы не можете накормить всех старых убогих, женщин с детьми, собак, кошек. А мне хочется. Я скорее человек активно страдающий, человек действия, хотя бы внутреннего. Это непросто. Мне часто приходится себя ругать: ну зачем, зачем я это сказала, обещала зачем?? Ведь даже просто физических возможностей у меня немного. Недавно шла по переулку и вижу: ворона кошку загнала на дерево, кошка явно не может слезть, скрючилась там...

19 июня 2001 г.
Нестерова Наталья